

Эдуард Лимонов

Свежеотбывшие на тот свет

НИКОЛАЙ ГЛУШКОВ
ОЛЕГ ТАБАКОВ
БОРИС БЕРГЕР
ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ
ДОРОТЕЯ ШЕМЯКИНА
ВИКТОР АНПИЛОВ
СЕРГЕЙ ЕСИН
ВЛАДИМИР МАКАНИН
АЛЕКСАНДР ШАТАЛОВ
АНАТОЛИЙ ГЕРАСИМОВ
ВИКТОР ЧЕРЕПКОВ
ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ
АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО
ЭДУАРД НАЗАРОВ
ЕВГЕНИЙ ЖИЛИН
ЭДВАРД ОЛБИ

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ
ЭРНСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ
СКУЛЬПТОР АБАЗИЕВ
ВАЛЕНТИН ПРУССАКОВ
ЛОРД ВАЙДЕНФЕЛЬД
ВИТАЛИЙ КАНАШКИН
ВАЛЕНТИН РАСПУТИН
ИВАН НОВОЖЕНОВ
СОНЯ РИКЕЛЬ
ЛЕО МАЛЛЕ
ЮРИЙ МАМЛЕЕВ
БОРИС НЕМЦОВ
ТАЙМЫР
РЕГУЛО
БУРЖУЙ
ОЛЕСЬ БУЗИНА
ТАТУИРОВЩИК ФЕЛЛИНИ

Эдуард Вениаминович Лимонов

Свежеотбывшие на тот свет

Серия «Публицистический роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37215600

Свежеотбывшие на тот свет:

ISBN 978-5-4461-0958-6

Аннотация

Лимонов продолжает начатый в «Книге мертвых» печальный список людей, которые, покинув этот мир, остаются в багаже его памяти. Художники, олигархи, актеры, нацболы, писатели и политики – пестрая толпа, на которую Лимонов бросил быстрый и безжалостный взгляд. Он не испытывает сострадания к своим мертвым, он судит их, как живых, не делая им скидок.

«Люди пересекали мою жизнь во всех направлениях. Большая часть их уже в мире ином. Никакой горечи от этого обстоятельства у меня нет».

Э. Л.

Книга публикуется в авторской редакции.

Содержание

Замолигарха	5
Кондитерская физиономия	15
Мой издатель Шаталов	19
Чугун	30
Дороти	35
Виктор Иванович	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эдуард Лимонов

Свежеотбывшие

на тот свет

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «Публицистический роман», 2019

* * *

Замолигарха

12 марта 2018 года тело Николая Глушкова (г. р. 1949) было обнаружено в квартире на окраине Лондона на авеню Кларенс со следами удушения. СМИ говорят о «собачьем поведении». Тело обнаружила дочь Глушкова – Наталья.

17 марта, поразглядывав фотографии усатого Глушкова в интернете, я начал мою книгу. С хронологического конца – нужно сказать, с немедленного настоящего времени. Начав с Глушкова, буду отступать в прошлое.

Друг Бориса Березовского Глушков покинул Россию в 2004-м. Сидел он по делу Аэрофлота и в какой-то момент оказался в одной камере тюрьмы Лефортово с моим товарищем Сергеем Аксёновым. Поэтому естественно, что освободившийся после меня в конце 2003 года Аксёнов как-то устроил нам встречу.

Это было в период после того, как Савёловский суд Москвы суд оправдал Глушкова по обвинению в мошенничестве и отмывании средств, но признал его виновным в злоупотреблении полномочиями (с 1996 года Глушков был заместителем директора Аэрофлота) и попытке побега и приговорил к трём годам и трём месяцам заключения. Как раз столько, сколько Глушков уже отсидел, он находился под стражей с декабря 2000 года. Следовательно, мы встречались где-то в марте 2004-го, помню, что на мне была зимняя одежда.

Тюрьма, естественно, сближает. Сблизила она и Аксёнова с Глушковым.

В ту пору в Лефортово нас сидело шестеро нацболов, все по «алтайскому делу»: я, Аксёнов, Пентелюк, Силина, ещё двое, не упоминаю их фамилий из презрения к ним. Сидели пятеро «радуевцев» – хотя это не совсем точно: сам Салман Радуев, бывший глава МВД Чечни Адгериев, Арслан Алхазуров (этот сидел со мной в 32-й камере некоторое время), других я не помню.

Сидели военные по делу Дмитрия Холодова, полковник Поповских, начальник разведки, Мирзоянц, с которым я как-то пересёкся в автозаке, корейский шпион Моисеев, и вот Глушков сидел.

Тюремное начальство имеет свои правила по поводу того, кого с кем сажать. Я просил замначальника тюрьмы посадить меня в одну камеру с Радуевым.

– Зачем вам это, Эдуард Вениаминович?

– А книгу напишу. Он же суперинтересный персонаж...

– Вам, Эдуард Вениаминович, о себе нужно думать, у вас следствие заканчивается. По вашему обвинению все пятнадцать могут вам дать, а вы о Радуеве собрались писать...

И счёл нужным объяснить: «Мы первых лиц по обвинению в одну камеру не сажаем, чтобы вы не сговорились о чём-нибудь».

Глушкова, следовательно, считали равным Аксёнову, а Аксёнов был негласно, но вторым лицом в партии после ме-

ня.

Ну вот, видимо, в марте 2004-го мы отправились с Сергеем Аксёновым к Глушкову.

Многие детали я уже позабыл. Был вечер, ещё лежал снег, лужи, грязь. Это не был центр города, но точно какое-то гетто для богатых. Был КПП, мы сказали, к кому едем, назвали себя. Позвонили, пропустили.

Встретил нас охранник. Ну, как все охранники – мордат, пиджак, одна пола пиджака оттопырена: не то оружие под полкой, не то рация.

Плохонький какой-то русский свет на лестничной площадке, такой же жёлтый «бедный» свет в коридоре и во внутренних помещениях квартиры.

Никаких членов семьи не обнаружилось. Мы пили не то чай, не то кофе, они, Аксёнов с Глушковым, повспоминали свою общую жизнь в Лефортово, а потом разговор заглох. Помню, что я был натянут и недоволен собой. Что-то у нас в общении не клеилось, не получалось. А мы с Аксёновым хотели, чтобы получилось. Глушкова обвиняли, что он вывел на швейцарские счета 252 миллиона долларов. У нас с Аксёновым на руках была партия.

Партия хотела жить и действовать. Перед нами был богатый человек, который мог бы помочь партии деньгами. Но контакта не получалось. И Глушков оставался дистанцированным, и я. Не могу сказать «мы», поскольку они вместе сидели, их связывали общие воспоминания о тёплой тюрем-

ной бытовухе. Ну, кто там кого чем угощал или как (к примеру) бражку какую-нибудь пытались поставить.

Мы уже оделись и стояли у двери. И тут я, прокашлявшись, обратился к Глушкову: «Слушайте, Николай, а у вас выпить ничего нет?»

«Есть, конечно же, что же вы сразу-то не сказали!»

Мы вернулись в его кабинет, сели за стол (стол из фанерита – отметил я), и охранник принёс охапку чудесного иностранного пива.

Так началась пьянка (перешедшая в обед), от которой я на следующий день вынужден был отлёживаться в постели.

Вот, собственно, и всё. Или почти всё. Глушков впоследствии дал немного денег на наших политзеков. А потом он сбежал в Англию.

Сегодня я написал Аксёнову. Где он, Аксёнов, я понятия не имею, последние годы он жил в Омске, мы давно отделились друг от друга, точнее, это он от меня отделился и от партии.

Так вот, я написал Аксёнову следующий короткий текст по e-mail: «Вашего сокамерника смерть расследуют, Сергей! Пишут, что убили его там. Вы бы написали что-то, вспомнили. Ваш ЭЛ».

Ответ я получил почти тотчас: «Пробовал... не выходит чего-то. Если хотите, Вы напишите».

Я подумал, что он темнит, Аксёнов, может быть, не хочет выявлять эту связь.

Я написал: «Я его знал один вечер, Сергей. Вы же с ним сидели».

«Вот и хорошо. Используйте, что знаете. Вспомните, что он копейку тогда подкинул нашим политзекам».

Я вспомнил, как мы тогда выкатывали на нашем красном ржавом ВАЗе из богатого, но грустного квартала, как садились в красный и ржавый, а за рулём был тогда ещё молодой Стас, он сейчас воюет в Сирии и одно время числился в пропавших без вести, потом отыскался. Стас позавидовал нам, что мы хорошо пообедали и хорошо выпили в богатом доме.

Вспомнил я и о Глушкове, его густые усы, скрывающие прикус рта, покрывающие верхнюю губу. Вы знаете, что такого рода усами легко прикрыть бесхарактерность? Такие усы носил Максим Горький, подражавший Фридриху Ницше, и сам Ницше носил такие.

От Глушкова у меня осталось впечатление, что он был вторым в команде Березовского, во всяком случае под командованием Березовского. И его густые усы, начёс вниз, скрывали его подчинённость.

Ну, конечно, мы были озабочены финансированием партии, однако никогда не предавали свои идеи и принципиально всегда отказывались от предложений «помочь».

Аксёнов постепенно отдалился от партии. Официально его версия принятия дистанции с партией объясняла отдаление его тем, что у него была проблема с позвоночником. Однако отъезд в Омск к первой жене не особенно вписывался

в версию.

Написал он всё-таки о Глушкове, повесил в свой журнал Сергея Аксёнова и добавил сверху «написалось».

Сейчас я скопирую этот его текст, а то ещё уберёт.

НИКОЛАЙ ГЛУШКОВ. УБИЙСТВО В ЛОНДОНЕ

Бывшего партнёра и друга Бориса Березовского Николая Глушкова задушили собачьим поводком. Об этом пишет британская The Independent со ссылкой на источники в полиции. Тело Глушкова обнаружила 12 марта его дочь Наталья, когда пришла в гости к отцу.

Я эту Наталью помню. Но не её саму, а фотографию. Карточки своей дочери и сына Николай приклеил к стене над шконкой в камере № 30 Лефортовской тюрьмы, где мы были с ним соседями. Третьим был Виктор, бывший военный, сидевший за бандитизм и вымогательство. Когда его выводили, Николай давал понять, что считает Виктора стукачом.

Это был 2002 год. Глушкова судили за какие-то грехи Березовского, связанные с Аэрофлотом. У этого дела была формальная – юридическая и неформальная – политическая сторона. Николай был, по сути, заложником. Его держали на СИЗО, чтобы БАБ отдал контроль над ОРТ. Березовский отдал, что, безусловно, было победой интересов государства над интересами олигарха.

Позже, во время суда в Лондоне между Березовским и Абрамовичем Глушков в своих показаниях пояснил,

что после того, как контроль над ОРТ перешёл к государству, его, вопреки договоренностям, не освободили, так как хотели продолжить давление, но уже с целью отжать у БАБа «Сибнефть». Абрамович подмутил. И лишь затем Николаю устроили условный приговор – и он вышел на свободу.

О своём впечатлении о Глушкове я написал небольшую заметку «Как я стриг друга Березовского». Текст вошёл в книгу «“Лимонка” в тюрьму» под редакцией Захара Прилепина. Его нетрудно найти в интернете. Несмотря на подпись под заметкой – «СИЗО Лефортово, камера 30», на самом деле она была написана уже после этапа в Саратовскую область, в «двойнике» СИЗО-2 в городе Энгельсе.

В Саратове нас судили за... попытку организовать КрымНаш на северо-востоке Казахстана. Несмотря на наличие тогда во власти тех же самых людей, кто принимал решения и в 2014 году, включая Путина и Патрушева, российское государство подобные инициативы тогда не поощряло. И даже было не прочь воспользоваться случаем, чтобы всерьёз и надолго нейтрализовать своих политических конкурентов.

Накануне приговора на ОРТ показали фильм «Суд над призраком». Он был призван убедить российское общество в зловредности Лимонова и нацболов и в справедливости предстоящей расправы. По мнению прокурора Вербина, организация североказахстанского КрымНаш тянула на 12–14 лет лишения свободы. Впрочем, нам повезло. Оправданные

судьёй Матросовым по самым тяжким составам преступления, мы вскоре вышли на свободу.

(Не совсем так. У следствия, а его вели следователи по особо важным делам ФСБ, не хватило доказательств по основным статьям обвинения. Тем не менее мне дали 4 года за решёткой, Аксёнову – 3,5 года. – Э. Л.).

Тогда я и встретил Николая Глушкова снова. В Савёловском суде, где у него была то ли кассация, то ли пересуд, уже не помню. Обменялись контактами и уже вскоре со всеми мерами предосторожности – через службу безопасности, оставшуюся после отъезда БАБа в Лондон, посетил бывшего соседа по камере в его доме в новой Олимпийской деревне.

Время для партии тогда было непростым. После недавней акции по захвату администрации президента (в декабре 2004 года) число политзеков приблизилось к шести десяткам. Все они нуждались в поддержке, дачках, помощи адвокатов и т. п. Денег, как всегда, не было. Тогда и возникла мысль обратиться к Глушкову. Сам бывший зек, он мог бы помочь, думали мы.

Так и оказалось. Николай не размышлял ни минуты, передав нам на цели поддержки заключённых изрядную пачку денег. Единственное, оговорился при этом, что он не олигарх. Видимо, давал понять, что это для него совсем не пустяковый расход. Всё так, он был скорее наёмным менеджером, чем олигархом. В любом случае мы были ему признательны за поддержку.

В дальнейшем контакты никак особенно не развивались. Разве что пару раз вместе с другими

руководителями партии заглянул к нему на рюмку коньяка. Николай в этом деле оказался вполне себе русским человеком. Так, однажды «рюмка коньяка» превратилась в восьмичасовой алкомарафон, и лишь наступление ночи заставило нас убраться восвояси. Не верите? Спросите у Лимонова. Он тогда подарил Глушкову свою книгу «В плену у мертвецов», написанную в Лефортово.

После того как против Глушкова вновь возбудили уголовное дело, он уехал в Лондон. Кажется, в 2010 году... Хочется верить, что со всеми этими Скрипалями, Резунами и Гордиевскими он там не общался.

P. S. Кстати, в период пребывания Глушкова в Лефортово была предпринята попытка организовать ему побег. Организатором был Андрей Луговой. Да-да, тот самый. Он тогда работал на БАБа, возглавлял службу безопасности, кажется, ОРТ.

Глушкова в связи с заболеванием крови вывозили раз в полгода из СИЗО в гражданскую больницу. Оттуда якобы его и должны были похитить по приказу Березовского. Но побег реализован не был. Лугового и его помощников взяли, закрыли на то же Лефортово и позже осудили к символическому сроку.

По словам Глушкова, это была подстава ФСБ с целью продлить ему срок содержания под стражей. По моему мнению, побег готовили всерьёз, но потерпели неудачу, а Луговой перековался – дал признательные показания, спасая себя. С бывшими военными и

правоохранителями такое происходит сплошь и рядом.

Кондитерская физиономия

Человек с физиономией доброго немецкого кондитера умер в тот же день, что и Николай Глушков: 12 марта 2018-го. С ноября 2017-го, когда он был госпитализирован, он мучился где-то в глубине одного из московских госпиталей.

Даже не совсем понятно, от чего он умер. Я полагаю, от старости.

Поскольку умер он на 83-м году жизни, то, разумеется, особой скорби проявлять не надо. Но проявили, даже президент приехал. Появился откуда-то сбоку в театре Чехова на Камергерском, принёс красные розы, помолчал и удалился.

То обстоятельство, что старик Олег Табаков умер в один день с Николаем Глушковым, который не то повесился, не то был повешен на собачьем поводке в Лондоне, это, возможно, ирония судьбы и больше ничего. Курьёзное стечение обстоятельств. А вот то обстоятельство, что Олегу Табакову досталось от Создателя упитанное дрожжевого теста личико немецкого кондитера, предопределило его, Табакова, актёрскую судьбу.

Ему лучше всего удавались образы почтенных бюргеров XVIII века, глуповатых отцов семейства, толстяков в туфлях с пряжками, в колпаках, жилетах, упитанные ляжки и зады (ляжки – это окорочка ног). И образ кота Матроскина. Само по себе выражение это пышет обывательским идиотизмом.

Король Лир – знаю, Ромео и Джульетта – знаю, принц Гамлет – знаю, а вот кот Матроскин – это с этикетки кефира с маркой производящей компании: «Простоквашино».

«Кот Матроскин» – подумать только!

В России, возможно, не понимают границ жанров, поэтому бросаются запросто словами «великий». «Великим актёром» назвали Олега Табакова, в то время как покойный был занудной обывательской фигурой на подмостках. На него без смеха и смотреть-то было невозможно. Такой розовенький папан, даже на роль бургомистра не подошёл бы, разве что карикатурную.

При случайном лицезрении папаша Табакова сразу становилось смешно, кондитерская обыденная физиономия вызывала скорее отвращение у людей с нормальными инстинктами, к которым я отношу себя.

Его ещё спасали старомодные актёрские одежды, ну там эпохи Мольера, в современных он просто выглядел бы персонажем пенсионера из супермаркета, подносящим близко к носу продукты с ярлыком «акция».

Однажды я был приглашён на вручение театральных премий «Золотая маска». Меня в ту пору взял под крыло дружбы Эдуард Бояков. Поскольку я никогда не опаздываю, то и в тот раз я явился в назначенное для церемонии место заранее. Моих охранников (они яростно возражали) посадили отдельно от меня, в глубине зала, а меня в передних рядах. Тогда рядом со мной оказались Табаков и его жена. Она усе-

лась рядом со мной, а он стоял рядом с нею, и она его ругала, а он добродушно терпел ругательства. Видимо, моя физиономия была им неизвестна, поэтому она дала волю своим, я бы сказал, истеричным чувствам. За что она его попрекала, я так и не понял, но он оправдывался, а она наседала. Рефреном её нападок служила фраза «ты не должен был», а его рефреном «ну послушай, ну я...». Вот они и перебрасывались бесконечно этими её, как проволока, «ты не должен был» – и его вялое «ну послушай!».

Вообще жена известного человека это кое-что и кое-кто. Чаще всего это жуткая тварь и истязательница. Даря ему своё лоно в постели, такая женщина (такие женщины) считает себя и хозяйкой этого человека, ведь есть же хозяева у... домашних животных. К тому же в совместной близкой жизни в одном помещении у неё есть целый набор аргументов против его статуса «великого» и «гения» – вчера он невзначай пукнул, сегодня рыгнул, поэтому ясно, что он не великий и не гений.

Они так накалили атмосферу возле меня там, в зале, что я в конце концов встал и ушёл в задний ряд к моим ребятам. Они были довольны. Объект, за который они отвечали, присоединился к ним.

«Доставали Табаков с женой», – объяснил я пробегавшему по проходу Боякову, он поинтересовался, почему я сижу в заднем ряду.

Ну, это моё право, позвольте уж мне не симпатизировать

человеку с физиономией германского кондитера, это моё право ощущать человека не соответствующим моим стандартам.

Ну и, конечно, его похоронили на Новодевичьем кладбище. Поскольку у его друзей и наследников были нужные связи.

Человек и после смерти не находится ведь в стороне от земных категорий, блат обеспечивает бездыханному телу элитное место успокоения. Отсутствие блата приводит бездыханное тело на далёкое окраинное кладбище. Это вам не Пер-Лашез, и туда к покойнику никто не придёт. То есть пока покойный остывает в холодильнике морга, через московский морозный воздух несутся телефонные и электронные интриги. Как бы устроить «Олег Палыча, Олег Палыч заслуживает Новодевичьего, нет, на Ваганьковское мы не пойдём, вы бы ещё Балашиху предложили...»

В 1971–1973 году я жил на Погодинской улице, недалеко от Новодевичьего монастыря. В те годы вход туда был свободен, и я часто гулял между могил. Помню, что не забывал положить на могилу Хлебникова большое красное яблоко. Обычно яблоки мои расклёвывали птицы. После того как на Новодевичьем похоронили Хрущёва, вход туда стал несвободным. И мы стали встречаться, я и Елена, чужая жена, у пруда, рядом с монастырём.

Мой издатель Шаталов

15 февраля 2018 года где-то около 15:30 скончался по месту жительства в одном из переулков Старого Арбата мой первый русский издатель Саша Шаталов (1957 года рождения).

Почему я так точно знаю даже время? А у меня в это время сидел мой старый приятель поэт Юрий Кублановский, и у него была прямая связь по телефону с женой, а она находилась у постели умирающего. Бывает такое – репортаж прямо со смертного одра. Случайность, конечно.

Саша Шаталов, Александр, издатель в издательстве «Глагол». Неглупый, начитанный, оборотистый человек с круглой головой. Голова стала круглой с годами. На ранних фотографиях (он приезжал в Париж) он с лысой, но нормального размера головой и небольшой отросшей бородкой.

Есть фотография в мастерской художника Игоря Андреева в Париже. Стоит в белых брюках и чёрной футболке Саша Шаталов. Сидит внизу в центре с длинными ногами в кофточке в горошек Наташа Медведева (в этой же кофточке она будет лежать в гробу, надо же!), а я и Игорь Андреев образуем правую группу. Я насупленный, загорелый и накачанный, Игорь в восторге развёл руки, он в шортах. Правая группа жива, а левая умерла – Наташа в 2003 году, Шаталов в 2018-м, через 15 лет. Их нет. Поди знай, кто раньше умрёт.

Недавно заходил Игорь Андреев, уже после смерти Шаталова. «Одни мы остались с тобой», – сказал я Игорю. Ну, из того периода жизни. Игорь согласился, что одни.

В 1990 году я подписал с Шаталовым какие-то договора об издании на русском языке моих книг. Помню, что подписывал на издание «Эдички» и «Палача». По этим договорам мне причиталось получить по одному рублю с каждого экземпляра книги. Если бы не Егор, сука, Гайдар, употребивший по отношению к России шоковую терапию, я стал бы тогда очень богатым человеком.

Если бы не Шаталов, сука, Саша, я стал бы даже при Егоре Гайдаре и его шоковой терапии на какое-то время просто состоятельным человеком.

Но я не купил на те деньги, что пошли от проданных книг, даже велосипеда.

Дело в том, что пока Шаталов набрал «Эдичку», пока нашёл типографию, согласившуюся книгу напечатать (напечатали в конце концов в Риге в какой-то капээсэсной типографии под охраной рижского ОМОНа), то первые тиражи пришлись на ноябрь и декабрь 1991 года, а уже 2 января 1992-го цены на всё-всё-всё в России взлетели в десятки, а потом и в сотни раз. Тиражи были гигантскими, мой рискованный шедевр каждый месяц издавался тиражами в 250 тысяч, в 200, опять в 250 тысяч и «Палач» тоже. Миллионы экземпляров поступили к гражданам.

Шаталов повёл меня в Сбербанк на Каретном ряду, рядом

с Садовым кольцом, где мне открыли счёт, куда должны были поступать деньги.

Я тогда бывал в Москве очень редко и мог лишь констатировать факт. Мне прибыльнее было разменять привезённые с собой французские франки, потому что в Сбербанке у меня лежали обесценивающиеся каждый день мизерные дивиденды от продажи.

Я уже даже не помню, что случилось с тем счётом. Скорее всего, я забыл о нём за ненадобностью.

Позднее опытные люди сказали мне, что при больших тиражах в СССР существовало правило: аванс должен был составлять 200 %, а Шаталов мне вообще не выплачивал аванса, ссылаясь на то, что его издательство молодое, получалось, что он делает мне даже одолжение, занимаясь моей книгой, которую никто из издателей не хочет (потом захотели все).

Признаюсь тут, что бизнесмен из меня никудышный. Выгадывать, отстаивать свои интересы, торговаться я не умею. Случается, на меня находят приступы деловитости, когда я начинаю вдруг торговаться за пункты договора. Когда не находят, я могу отдать права на издание за так.

Такой вот я человек. Деньги никогда не были для меня целью. К тому же в те годы я гонял с одной войны на другую, стрелял, и в меня стреляли в Сербии, упоённо бродил по военным Приднестровью и Абхазии, меня можно было увидеть на митингах в революционной Москве.

Шаталов вышел из шоковой терапии в лучшем виде, чем

я.

Я его доходов не подсчитывал, но думаю, он купил на заработанные изданием моих книг деньги несколько квартир: и в Москве, в переулке на Старом Арбате, и во Франции, говорят, что и в Берлине.

В 1993-м, я помню, я жил на кухне его квартиры на Башиловской улице, вблизи стадиона «Динамо». В американском рюкзаке я привёз с собою бульонные кубики Maggi и чёрный французский поварской шоколад. В те годы в России ни хера не было, а мой бульон и шоколад составляли вполне солидную энергетическую базу.

Кухня на Башиловской была тёплая, там стояли стол и лавки из покрытого лаком дерева, в углу – телевизор. Что ещё человеку нужно? Я ложился на полу и рано утром вскакивал, пил свой бульон с хлебом и уходил по своим политическим делам. На митинги и встречи.

Шаталов разделял тогда свою квартиру с молодым негодяем Славой Могутиным. Что там они делали в их комнате, я не знал, я даже туда в комнату (это была обширная однокомнатная квартира) не заглядывал к ним. Но я предполагал, что они любовники.

Шаталов гордился Славой. Высокий, рослый, талантливый журналист, наглый и хулиганствующий Могутин, вероятно, был воплощённой мечтой Шаталова.

Могутин, может быть, назло Шаталову (у них были и эстетические, и физические разногласия) очень скоро уйдёт от

Шаталова, оставив того в неизлечимой печали. Объявит о своём «браке» с художником Робертом Филиппини и уедет в Америку. Первый гомосексуальный брак в истории России.

Осенью 1993 года они ещё мирно существовали, Шаталов и Могути́н, там, на Башиловской, а я спал у них на кухне. Впрочем, не представляйте себе, что это продолжалось протяжённо во времени. Несколько недель всего лишь.

Однажды случился такой эпизод.

Я проснулся рано, оттого что внизу, на уровне улицы, гнусно вопила сигнализация какого-то автолюбителя. Ну просто противно вопила, вытягивая нервы, как корова, которая не то рождает, не то её медленно лишают жизни.

В прихожей раздались какие-то резкие звуки. Потом в кухню вошёл Слава в пальто и в туфлях на голых ногах. Он прошептал: «Скьюз ми», вынул из ящика молоток и сунул в карман пальто.

«Ты куда, Слав?»

«Счас вернусь».

Спать я уже не мог, встал, надел брюки. Снизу послышались удары, звон стекла, ещё удары.

Через несколько минут в квартиру вернулся Могути́н.

«Что случилось-то?»

«Я этому козлу всё переднее стекло и зеркала побил, – сказал мне довольный Слава. И добавил: – Я его встретил у лифта. Он меня спросил, что там случилось? Я ответил: да кто-то вашу машину изрядно изуродовал».

И он ушёл в комнату, Слава Могутин.

Вот с каким человеком жил тишайший Шаталов. Непростым, violent man.

Ельцинский указ № 1400 застал меня на шаталовской кухне. Я только пришёл откуда-то усталый. Это было 21 сентября 1993 года. Я выпил своего горячего шоколада, растопив его в кипятке, и собирался рано лечь спать, как вдруг в кислотных цветах на экране телевизора появился Ельцин и сообщил о роспуске своего Верховного Совета, Верховного Совета России. За окном было темно и тревожно. Было понятно, что нужно мчаться спасать Верховный Совет. Я созвонился с капитаном Шурыгиным, с которым в те годы сблизился, он сообщил, что сидит в помещении газеты «День» на Цветном бульваре, в здании «Литературной газеты», и собирается с товарищами выехать в здание Верховного Совета, тогда, в те дни, его называли «Белый дом», поскольку здание было действительно белым. Через пару недель, в ночь с 3-го на 4-е октября, оно станет чёрным, это здание.

Я попрощался с Шаталовым и Могутиным, оставил им наспех набросанное тут же на кухне «Завещание» (речь шла о том, как распорядиться в случае моей смерти моими книгами) и отправился в газету «День».

Оттуда на двух машинах мы отправились к зданию Дома Советов и были по праву первыми девятью храбрецами, прибывшими защищать «Белый дом».

Могутин перед отъездом в Америку успел меня по-

знакомить с Додолевым из газеты «Взгляд» (приложение к газете «Московская правда»), там скопились тогда все troublemakers России. Новодворская, Могутин, я, даже Жириновский, по-моему, несколько раз написал для «Взгляда».

Слава Могутин успел издаться у меня в первом номере «Лимонки» от 28 ноября 1994 года. Там есть его статья «Без интеллигентов. Утопия», где он выплеснул всю ненависть к интеллигенции. Революционный гомик занял правильную позицию, он, что называется, по зову сердца пристал к нам, революционерам социальным и национальным.

Я не думаю, что он нашёл в Америке, в том классе, куда он себя сам определил, той свободы, которую он искал. Но гордый, он остался там, хотя, я полагаю, понял, что ошибся.

Шаталов же был вполне буржуазный тип, такой себе «папик», хотя и с большей чувствительностью к новому, чем у обычных буржуа.

Поэтому как могли долго сосуществовать хулиган Могутин и буржуа Шаталов? А не могли долго.

Моё мнение такое, что Слава Могутин даже и не гомик по его конституции. Он экстремальный rebel – бунтарь, который распространил своё бунтарство до того, что бунтанул даже за пределы своего пола, за пределы той сексуальной роли, которая даётся мужчинам.

Шаталова должны были проводить в последний путь 19 февраля.

С утра я был в Савёловском суде, где проиграл свой иск

к издательству ЭКСМО. Савёловский суд произвёл на меня отвратительное впечатление, там осматривали посетителей как в лагере строгого режима, а судья мне выдалась такая, как бешеная собака.

С 11 часов с Шаталовым должны были прощаться в Малом зале Центрального дома литераторов.

Когда я подъехал к ЦДЛ, из здания как раз выносили гроб с Шаталовым. Шесть сытых высоких бугаёв в чёрных костюмах с красно-белыми повязками на рукавах мерно ступали, неся гроб к одному из двух шикарных катафалков.

Я подумал, что, может быть, и бугаи, и катафалк наняты на мои как раз деньги. Где-то года полтора назад хитрый Шаталов пришёл ко мне с банкой икры в подарок, он знает, как подлизаться к такому, как я, и подбил меня на издание книги о Париже. Книгу я назвал «Под небом Парижа», собрав туда множество историй о моей жизни в Париже и добавив ещё специально написанные два предисловия и главу о Соне Рикель.

За «Под небом Парижа» я получил от Шаталова 60 тысяч рублей + один экземпляр книги. На книге стоит обозначение тиража в 1 тысячу экземпляров. Я считаю, что это лживые сведения. Потому что прошёл год, я езжу по России, представляя свои другие книги, и повсюду ко мне подходят люди с экземплярами «Под небом Парижа», чтобы поставить автограф.

Шаталов издал по крайней мере несколько тысяч этой

книги.

Врать – его оружие борьбы с действительностью.

Как-то мы издали с ним книгу «Дети гламурного рая», издательство «Альпина нон-фикшн и Глагол», 2008 год. В выходных данных стоит тираж 5 тысяч экземпляров. Между тем Игорю Андрееву (я о нём упоминал уже ранее) Шаталов дважды сообщил, похваляясь, что продал 35 тысяч этой книги. Когда же я поинтересовался, как продаётся книга, он, не моргнув глазом, сообщил, что, увы, первый тираж до сих пор ещё не распродан. Тот ещё тип был этот Шаталов.

К 14 часам я подъехал к церкви царевича Димитрия внутри Первой градской больницы. Церковь оказалась сухой и тёплой. Просторной и круглой.

Гроб, в котором лежал Шаталов, был шикарным двухкрышечным. Шаталов лежал в очках. Крышка над половиной гроба была приподнята вверх. Другая крышка была опущена и покрывала ноги покойного. Шаталов лежал головой в белом шелку, ибо такова была обивка внутри гроба. Начищенные бронзовые ручки сияли. Гроб выглядел как дорогой рояль.

Один из присутствовавших пронёс к гробу букет дорогих белых роз. Огромный, право слово, букетище!

Мой товарищ Кублановский, стоявший рядом (мои охранники жались за мной), предложил познакомить меня с дочерью Шаталова. Я отказался. «У меня и так много знакомых, Юра!» – сказал я.

Был ли он хорошим либо плохим человеком? Он был смесью хороших черт и плохих. Он был достаточно и умён, и образован, чтобы впервые опубликовать вначале такие книги, как мои («Эдичка» и «Палач»), а уже в поздние годы «Дети гламурного рая» и «Под небом Парижа». Он впервые познакомил российского читателя с Naked Lunch Вильяма Берроуза и некоторыми ещё книгами современной классики, которые я уже не помню. Но всё-таки буржуа Шаталов и стяжатель-Шаталов чаще всего брал в нём верх над умным издателем. Он стеснялся себя передо мной. Так, он ни разу не пригласил меня к себе домой в квартиру на Старом Арбате, купленную на деньги, полученные от издания моих книг. Стеснялся. Я, скорее всего, даже бы и не пошёл к нему в квартиру эту. Но он стеснялся своего стяжательства.

Я не стал стоять на его панихиде. Я констатировал, что это богатое отпевание и будут богатые похороны. Я положил на его гроб, там, где ноги покрыты крышкой, свои гвоздики; свои гвоздики положили мои охранники – и мы уехали.

В день, когда он умер, я получил несколько звонков от его друзей. Меня просили не писать и не говорить прессе, от чего он умер. А собственно все, кому следует знать, знают и без меня. У него ещё несколько лет назад был обнаружен ВИЧ, но с этим вирусом, в той форме, в какой он у него присутствовал, он мог прожить до глубокой старости. Однако надо же такому случиться: у него обнаружился рак лимфы (что это такое?), и этот рак интенсифицировал его ВИЧ-инфек-

цию. Он лёг в больницу, не подозревая, что умрёт, но умер.

Рассказывают, что он умер состоятельным человеком, но вроде никому не успел ничего завещать. Дочери, я полагаю, всё достанется. Той, с которой я не захотел знакомиться.

Ну, и книги мои остались. Они принадлежат всем. И вам.

Вспоминаю, как скаречно он протягивает мне один экземпляр «Под небом Парижа» на ярмарке Non-Fiction.

Ну, хоть так.

Книга-то получилась супер. Читайте.

Чугун

Когда он погиб, то в интернете вскоре появилось видео, в котором я вручаю ему членский билет НБП. Так как на этом видео на мне пиджак российской фабрики «Большевичка», двубортный такой (я вышел в этом пиджаке из тюрьмы и потом выбросил), то это либо конец 2003 года, либо самое начало 2004-го. Выбросил, потому что был потёрт пиджак, 2,5 года провалялся на складах в тюрьмах и лагере. На видео я говорю ему, что, мол, давно твоя физиономия знакома, протягиваю билет, жму руку, улыбаюсь. Кирилл Ананьев прикладывает кулак правой руки к сердцу и выпаливает: «Да, смерть!» – партийное приветствие и партийное кредо.

Он погиб 7 февраля 2018-го на берегу реки Евфрат, вблизи сирийского населённого пункта Хишам. Когда погиб, ему было 32 года, он 1985 года рождения.

Следовательно, он пришёл в партию в 18 или 19 лет. Парень из православной семьи, мама, папа, трое сыновей, одна дочка.

От него остался ребёнок: девочка. Жена его Ольга Кудрина, нацбол, была осуждена заочно на 3 года за то, что, повиснув на альпинистских верёвках из окна гостиницы «Россия» (это произошло 4 мая 2005 года), вывесила вместе с нацболом Логовским десятиметровый транспарант «Путин, уйди сам!».

На суд Кудрина не явилась, скрывшись на Украине, где тогда могли укрыться от российской власти нацболы.

25 февраля было -16°C в Москве. Серёга Мэр и Богер заехали ко мне в 9:30 утра. И в «форде», управляемом ставропольским пацаном Максимом, отправились мы среди московских сугробов в Чертаново на отпевание нашего товарища Кирилла Ананьева, командира миномётчиков, артиллериста.

Храм называется длинно: «Храм в честь державной иконы Божьей матери» и находится в Чертаново, я уже сказал. Ещё издали виден вход в деревянную ограду храма, он обозначен был фигурами нищих и нищенок, просящих милостыню, и прихожан, идущих в храм и из храма, ведь было воскресенье. В помещение, где отпевают покойников, вели морозные деревянные ступени. И поскольку дерево замёрзло на русском морозе, то оно звонко отзывалось на стучание ног о ступени.

Пройдя через мёрзлые сени, мы оказались в довольно большом зале, убранном просто, со множеством скромных современных икон. В центре стоял закрытый гроб, содержащий тело нашего товарища. Гроб был затянут красно-винной тонкой материей, а по граням его окаймляли жёлто-тусклого цвета рюшки такие, бахромы, то ли металлическая издали, а скорее тоже матерчатая. В ногах и на голове гроба стояли две массивные жёлто-бронзовые свечницы, в которых можно было ставить поминальные свечи.

Читать вначале стал по старой, чуть ли не рукописной

книге мужик лет пятидесяти в белом свитере и чёрной куртке поверх. Я предположил, что это отец Кирилла, так как никогда его не видел.

Он начал читать так привычно, что было понятно: ему молитвы читать приходилось не раз.

Постепенно поминальный зал наполнялся нацболами. Много было старых, которых мы давно среди нас не видали. И Соловей пришёл, и Бахур с бритой головой.

Потом пришли три молодые женщины, совсем простые с виду, и, став за запевалой в белом свитере, стали ловко и жалостно подпевать.

У многих уже горели поминальные свечи, и я свою зажёл. Может, от свечей, что ли, но не было морозно. Холодно, это да. Потом пришёл священник – небольшого роста, щупленький, и они вместе с мужиком в белом свитере и с этим небольшим хором из трёх женщин вели поминальную службу целых часа полтора. Или два даже. Всё это время входили нацболы и бывшие, и нынешние и было ясно, что мы одна семья.

Очень хорошо и печально звучал хор. И щуплый маленький священник, волосы собраны в жидкий хвостик на затылке, уместно и скромно ходил, умело взмахивая кадилом.

Не понравилось мне из поминальной службы только то, что они упоминали Кирилла как «раба божьего». Он не раб был, но парень строптивый и упрямый. И кликуха у него потому была Чугун, кличка, прозвище.

Когда кончилась служба, мы вышли в церковный двор, там уже множество прихожан находилось. Скользко только, двор неровно замёрз.

На кладбище я не поехал. У меня были ещё обязанности, потому, получив от Толи Тишина подарок на день рождения из Петербурга – от Сида Гребнева, сделанное им блюдо с окаймлением из гранат «лимонок», я сел за пределами храма в «форд» и уехал. Продолжая размышлять о погибшем на берегу Евфрата нашем парне Кирилле Ананьеве.

А Тишиных было на отпевании аж три. Отец Толя и два его сына: Григорий и Сергей.

Все бывали на Донбассе. И переславший мне блюдо Сид тоже побывал. Брат Сида Андрей был в девяностые годы руководителем нашей организации в Санкт-Петербурге. Позднее он погиб. Зарезан ночью на улицах города.

Кириллу Ананьеву было 32 года, шёл 33-й. В Московском отделении партии он состоял некоторое время бригадиром, отвечал за нацболов одного из районов Москвы.

Драчливый, с твёрдыми кулаками и твёрдой грудью Кирилл недаром имел прозвище Чугун, имелось в виду, что твёрд и опасен, как кусок этого металла.

В какой-то период его отшатнуло от нас слегка. Виной тому, я предполагаю, была и прижившаяся на Украине жена Ольга Кудрина, и его непосредственный командир, глава Московского отделения партии П. Кирилла отшатнуло ненадолго, вскоре он уже воевал в Донбассе, прослыл храбрым и

профессиональным воином.

А затем погиб близ реки Евфрат. Теперь у нас, нацболов, есть личный счёт к Соединённым Штатам Америки, ибо он погиб от их рук.

В момент, когда его отшатнуло, он пришёл ко мне поговорить. Переживал. От него едко несло водкой – и потому выпил для храбрости. Я тогда понял, каких твёрдых людей я сплотил. Каких подлинных.

Дороти

Позднее, через 18 лет после того, как я увидел её, Доротеи, рисунки в Париже, я встретил в Москве девочку Настю, у которой были страшно похожие на рисунки Доротеи рисунки, и даже (я только сейчас вспомнил, нашёл в памяти) у обеих были собаки одной и той же породы и даже цвета. Белые бультерьеры. Собственно, у Дорки была отцовская собака, Шемякина.

Итак, вот 1980 год, я прилетел из Нью-Йорка в Paris устроить свои литературные дела. Объясню: товарищ Николай Бокков познакомился в Париже (я жил в Нью-Йорке) с великим французским издателем Жан-Жак Повером и заключил от моего имени договор на издание моей книги «Это я, Эдичка» на французском. Я, впрочем, недолго был счастлив. Повера за что-то судили (его всё время судили, то за собрание сочинений де Сада, то за антологию чёрного юмора) и запретили иметь своё издательство. Таким образом, моя мечта опубликовать мой шедевр (так я уверенно считал, что шедевр) была уничтожена.

В отчаянной попытке опубликовать книгу я прилетел в Paris в мае 1980 года. Мне удалось уговорить Повера издать мою книгу в издательстве, где он стал литературным директором. А это было издательство Ramsay. Книга должна была выйти в ноябре 1980 года. Я снял «студию» на Rue des

Archives и стал ждать выхода книги.

Некоторое время, приехав из Италии, в Париже жила моя бывшая жена, и у нас с ней начался второй любовный роман. Но Елена вскоре уехала в Рим к мужу, и я фактически остался один.

Художник Михаил Шемякин как раз в тот год поссорился с галерейщицей Диной Верни, у него были огромные долги в налоговой инспекции Франции, и он собрался убежать в Нью-Йорк, то есть совершить обратный моему переезд.

Насколько я помню, ещё Елена привела меня в квартиру Шемякина (шесть комнат, окна на Лувр, рядом церковь Святого Варфоломея, откуда колокол объявил Варфоломеевскую ночь), и там я познакомился с женой и дочерью Шемякина.

Жену звали Ребекка (Рива), дочери было тогда 16 лет, её звали по-домашнему Дороти (Доротея), Дорка.

Елена уехала. Шемякин мне стал ясен как божий день, ещё когда он наезжал в Нью-Йорк, – позёр, а вот к семейству я стал захаживать.

Шемякин в то лето пьянствовал напрапалую с русским Владимиром Высоцким, дома бывал редко, а я по вечерам, бывало, приходил в их квартиру напротив Лувра. Шемякинцы кормили меня, а я не оставался в долгу, я привёз из Нью-Йорка несколько пачек сигарет, набитых марихуаной, и щедро угощал их. Дорка, или Дороти, представляла тогда из себя такого жопастенького придурка в драных джинсах с зелё-

ными волосами, бритвами в ушах, цепями и булавками где надо и не надо.

Хотя и ровесник отца (мы одного редкого года рождения, 1943-го), я был легче её папаши в общении, к тому же прожил в Нью-Йорке несколько лет, общаясь с панк-музыкантами и, наверно, виделся Дороти более современным, чем папан.

Иногда она водила меня гулять ночами на набережную (в ста метрах) Сены, и мы там накуривались вдоволь травы. Более чопорная мама Рива курила, но чуть-чуть.

Однажды произошёл такой случай.

Я засиделся у них допоздна, и шемякинцы, как я их называл, уговорили меня остаться у них ночевать. «А если появится Мишка?» – спросил я, предвидя скандал.

«Папаша в запое, приехал его друг дорогой – Володя Высоцкий», – успокоили они меня.

Меня уложили в Доркиной комнате (в квартире даже у попугая была своя комната), а Дорка ушла спать с матерью. Напротив жесткой кровати панк-девочки стоял портновский манекен, окрашенный в дикие цвета.

Проснулся я от грохота, ругани и взрывов мата. Я было двинулся защищать женщину и девочку от вторжения хулиганов, но в дверь просочилась полуодетая Дорка.

«Сиди тихо, Лимонов, – сказала она мне. – Папаша с Володькой нагрязнули. Сейчас успокоятся и уснут на кухне, где сон свалит».

«А если...» – хотел я понять, что будет, если Шемякин ввалится сюда.

«Папаша никогда ко мне не заходит. Сиди тихо». И дочь Шемякина ушла, прикрывши дверь.

Рано утром я покинул квартиру шемякинцев. Отправился через просыпающийся Париж по Rue de Rivoli домой к себе на Архивы.

Интересно, что в тот же день, а может быть, на следующий Шемякин пригласил меня к себе, чтобы познакомить с Высоцким.

«Приходи, Лимон, у меня будет Володя Высоцкий. Хочу тебя познакомить».

Я сослался, по-моему, на встречу с издателем, соврал. Не пошёл. Вот все прошедшие с того времени 38 лет оспариваю сам себя. Нужно было, я думаю, всё же пойти.

Потому что Высоцкий умер тем же летом в России. Не то чтобы я его очень почитал, Высоцкого, но всё же.

А Дорка, Дороти, которую я затем позабыл на долгие годы, умерла вот 20 января 2018 года в Париже, о чём сообщил миру Михаил Шемякин в своём «Твиттере», если не ошибаюсь, во всяком случае через интернет. «20 января покинула этот мир моя дочь Доротея».

Умерла Доротея Шемякин от какой-то злой и редкой болезни в возрасте 53 лет.

Хорошо, что я её не видел в этом возрасте.

Куски её судьбы время от времени всплывали в моём ми-

ре. Так, до меня доносилась информация, что Рива и Дорка какое-то время жили на греческом острове Гидра и якобы зарабатывали на жизнь тем, что рисовали портреты на пляже.

Ну что же, и так можно жить. Из далёкого 1980 года из той квартиры напротив Лувра вижу комнату, где стоял мольберт, нет, скорее такой механизм для поддержки шемякинского полотна. Карандашом или углём были «папашей» прочерчены контуры картины, а Рива и Дори трудились над закрашиванием.

Ещё одна живая картинка: я, Доротея и расфуфыренная Елена проходим между рядов полицейских на концерт Clash в Париже. Как на другой планете всё это было.

На фотографии в интернете довольно несчастливая пожилая женщина: Доротея Шемякин.

Когда в 1998 году я увидел рисунки шестнадцатилетней Насти, то отметил бритых уродов, персонажей, населяющих их, отметил их сходство с такими же монстрами-зомби с рисунков Доротеи Шемякин. Очевидно зомби и монстры были героями punk-generation.

У Насти любимыми персонажами были Андрей Чикатило и Мэрилин Мэнсон.

Тут меня недавно спросили: ходят слухи, что Дороти Шемякин покончила с собой.

Не могу знать.

Виктор Иванович

Как-то уже после 2003-го (я вышел, потому что, уже из тюрьмы) мы ехали с Виктором Ивановичем в его автомобиле – красном «Москвиче». Я рядом с водителем на переднем сиденье, я спросил его: «Скажите мне, Виктор, вы не считаете, что мы могли бы взять власть уже 17 марта 1992 года, ведь митинг мы проводили тогда на Манежной, в двух шагах от Кремля. Вам всего лишь нужно было с грузовика тогда призвать идти на Кремль – и дело было бы сделано, 350 тысяч человек никто не мог бы остановить?»

«Понимаешь, Эдуард...» – начал Анпилов и собрал рот в мешок, пожевал губами. Когда он думал, у Анпилова всегда разбухал рот... Он явно не был готов к моему вопросу.

Куда мы с ним тогда ехали, я уж не помню, но его смущение помню. Он преодолел смущение и стал меня уводить своим пояснением от моего вопроса. Что-то говорил о состоянии масс, которые не все были готовы...

Я слушал его, не скрывая скептического выражения лица. В конце концов он смолк и, сжимая руль, всё же выдавил из себя: «Возможно, ты прав... А чего ты не призвал?»

«За мной бы не пошли, Виктор Иванович. Ну кто я был тогда, писатель-эмигрант, принявший сторону народа. Вроде свой, а там чёрт его знает. За мной бы не пошли. За вами бы точно пошли».

«Ну да...» – пробормотал он. Я понял, что ему неприятно говорить об упущенной возможности, и замолчал.

Он признался, что часто об этом же думает. И о других днях, когда восстание было возможно.

В Москве меня интересовали два политика: Анпилов и Жириновский. Либо в другом порядке: Жириновский и Анпилов. Возможно, в равной степени, возможно, Анпилов интересовал больше. Ещё молодой и наглый, успевший уже повоевать в Сербии, я сам пошёл знакомиться с Анпиловым. Штаб у них был в подвальчике на улице Куйбышева, ныне Никольская, в том конце этой улицы, которая ближе к Лубянке. Был февраль. В полуподвальном помещении сидели и входили туда и выходили оттуда простые и грубые русские мужики, вызвавшие во мне восторг. Я таких раньше только в фильмах о революции видел. Одеты в феврале 1992 года были ещё совсем по-советски допотопно. Чуть ли не в валенках с калошами, в выдавших виды полушубках и меховых облезлых шапках. Многие из них были моложе меня, это точно, но их так и хотелось назвать «отцы».

Я спросил Анпилова, мне сказали, что Виктор Иванович должен быть вот-вот, сами его ждём, а ты кто будешь?

Я сказал, что я французский журналист, решив, что, представившись французским журналистом, буду иметь больше шансов заполучить Анпилова одним из первых. Потому что все его ждали.

Потом был эпизод с бюстом Ленина, который либералы,

подогнав кран, пытались свергнуть и утащить куда-то, но мы не дали утащить. Выскочив из подвала, побежали по грязному снегу, оттеснили, оцепили уже было охватившие Ленина тросы и крюки и ещё наkostenяляли и надавали пинищ рабочим, которые приехали стаскивать Ленина, предводительствуемые парой либералов в шарфиках и очках.

В общем, всё как в 1917-м вокруг выглядело, и я был чёрт знает как доволен.

После боевой нашей вылазки по спасению Ленина, в которой я проявил себя агрессивным защитником, мужики ко мне подошли. И без натуги стали со мной общаться, доверив кое-какие сведения о движении «Трудовая Россия».

Когда в сырой подвальчик спустился, наконец, Виктор Иваныч в мятом сером пальто с поясом, я уж был там всеобщим друганом, и меня даже переодевать начали, решив, что одет я хлипко, не по московской зиме.

Анпилов пришёл нервный, в сопровождении трёх или четырёх рабочих (может быть, они и не были рабочими, но выглядели как таковые) и сообщил мне, что на интервью у него времени нет, он сейчас же уедет, у него встречи в Московском Совете депутатов. Он в то время был ещё депутатом Моссовета и принимал там посетителей.

Я на самом деле никакого интервью и не замышлял, это был предлог, чтобы с ним познакомиться. На самом деле я искал, к какой бы революционной группе примкнуть. Я некоторое время размышлял, пока он обменивался с му-

жиками абсолютно, видимо, необходимой им информацией. Раздумывал, может, ляпнуть так сразу: «Возьмите меня в свою организацию, Виктор Иванович». Затем решил этого не делать. Выразил желание получить у него телефон, он отмахнулся. «Сюда приходи, если что, правда, через пару недель нам отсюда выезжать, мы тут слишком близко к Кремлю подобрались, убирают нас». Мужики вдруг захохотали: «Боятся гады».

В том году, в 1992-м, время неслось, беспорядочное и яростное. Уже на 23 февраля, День Армии, возмущённые массы в неожиданно огромном количестве вышли на шествие и митинг. Я тогда же по свежим следам описал этот день в тексте «Битва на Тверской». Массы были возмущены помимо всего прочего и садистским повышением цен на продукты питания. Цены с начала января взлетели в 240 раз, и фактически в стране начался голод.

Поэтому яростное рубилово случилось на площади Маяковского, которую милиционеры перегородили самосвалами в три ряда. Первый раз, когда я увидел только что рождённый ОМОН. Дубинками они орудовали зверски, защищая себя неуклюжими дюралевыми корытами-щитами. В тот день я Анпилова не видел. Говорят, он стоял на лесах вместе с другими лидерами оппозиции, с Макашовым. Я туда не пошёл, на леса, хотя меня звали, я остался на уровне улицы с народом.

Потом было 17 марта, съезд депутатов Верховного Сове-

та СССР, поздно сообразивший, что СССР угробили, в Вороново. Там Анпилов был, и я, и они безуспешно старались подвинуть депутатов на объявление создания параллельного правительства. Я был горд, что оказался в том же крайне немногочисленном отряде радикалов, что и Анпилов.

Депутаты обосрались. И не объявили параллельное правительство. Объявили о создании беззубого Постоянного Президиума Верховного Совета СССР под руководством чеченской женщины Сажи Умалатовой. Генерал Макашов, которого должны были выкликнуть диктатором России, нервно мерил шагами театр райцентра Вороново.

В тот же день состоялся митинг на Манежной, и именно тогда была возможность, позвав людей, идти на Кремль, совершить революционный переворот. Именно об этой упущенной возможности я и спрашивал Анпилова через годы, когда ехал с ним в его красном «Москвиче».

Я уехал в Сербию тотчас после неудачи 17 марта и вновь оказался в Москве только осенью. Власть уже тогда начала интриговать против Анпилова. После знаменитого похода против «Империи Зла» – Останкино, когда в ночь на 22 июня милиция коварно напала на палатки сторонников Анпилова, власть хитро согласилась на переговоры с оппозицией. Но представлять оппозицию власть выбрала г-на Зюганова и г-на Стерлигова, тогда они были сопредседатели организации «Славянский собор». Именно Зюганова власть выбрала в представители оппозиции и тем легитимизировала его.

Всю осень 1992 года продолжалась неравная борьба Зюганова и Анпилова за лидерство в российском коммунистическом движении. И это величайшее несчастье и для российского коммунистического движения, и для России в целом, что в этой борьбе победил Зюганов.

За глаза либеральные журналисты называли Анпилова «Шариков» – по фамилии героя отвратительной книги-памфлета Булгакова «Собачье сердце». Если антисемитские брошюры Луи-Фердинанда Селина во Франции запрещены, то антинародная, отталкивающе пропагандирующая социальный расизм книга Булгакова не запрещена, а фильмом наслаждаются ультралибералы и не ультра, а просто либералы. А режиссёр Бортко сидит в российском Парламенте. Происхождения поистине простонародного, он из села Белая Глина в Краснодарском крае, Виктор Иванович, невзирая на факультет журналистики МГУ, остался простым человеком. Он и хотел остаться простым, но, естественно, таким и выжил и в столице. Я не видел в нём за многие годы какого-то другого Анпилова, скрывающегося под простым Анпиловым. Хорошо знал испанский, говорил по-английски, работал журналистом в Никарагуа, а так и остался мужик мужиком. Только вот когда он умер в этом году, я над ним задумался и пришёл к выводу, что идеальный был коммунист, честный, немного примитивный и страстный.

И страстной и чуть примитивной была его газета «Молния», над которой он корпел и всегда таскал с собой какое-то

количество экземпляров, чтобы дарить друзьям и первым встречным. Карманы у него были набиты «Молнией», всегда разбухшими выглядели. Наша-то «Лимонка» была первая из современных, кусала за задницы, но мы были такие лихие современные ребята. И захламлённый его штаб «Трудовой России» был советским, нищенским, мужицким, патриархальным и убогим. И его фанаты, все эти трогательные старушки-фронтовички «бабы Оли» и «бабы Саши» были подлинно народными типами. Некоторых мы унаследовали от «Трудовой России».

Эх, Анпилыч, жаль, что нет тебя, и чуть-чуть стыдно, что иногда смотрел я на тебя высокомерно.

Вообще здоровский ты был тип, таких уже не делают. Мы, те, что ещё остались (ну, Проханов там или я), мы не святые. А он был святой и в конце концов беспомощный растяпа, когда дело касалось интриг и борьбы коммунистических кланов. И как ему не надоедали все его старушки и народные мужики в шахтёрских касках! И придурки, которых он убирал с глаз долой от объективов фотографов.

Ну да, народный тип с жеваными губами и выгнутой челюстью, седеющие волосики довольно неровно острижены, либералы звали «Шариков». Вечно на полуфразе остановленный, вечно к кому-то обращающийся, говорящий на ходу и сразу с несколькими собеседниками.

Он нас научил тысячам оппозиционных штук. Делился типографиями для газеты. От него мы научились, как шить

флаги, как выставлять людей на демонстрации. Марширование под клик «Нацболы идут, нацболы идут!» мы добавили сами. Но основную науку постигли у него. Ну да, народ некрасив, он приволакивает ногу, у него чудовищной формы уши, сопливые платки и банальные проекты переустройства мира, но это наш народ, любименький. Я научился любить Анпилова и плавать в нём, в народе, как в воде, потому, когда попал в 2001-м в тюрьму, я его, народ, обонял, и осязал, и черпал в нём силы, и уж никак не боялся.

Один эпизод, уже несколько раз мною изображённый и рассказанный из 1994 года, когда Егор Летов выступал на совместном митинге «Трудовой России» и тогда только что родившейся НБП. Про то, как Анпилов, стоя на одном колене, держал микрофон перед летовской гитарой, в то время как Летов пел в другой микрофон.

И как, уезжая с митинга, мы попали под дружелюбную, но грозную атаку фанатов Летова, панков, желающих прикоснуться к кумиру. Как, чихая, остановился наш рабочий с металлического завода грузовичок и как Анпилов, соскочив с криком «Я их остановлю!», побежал навстречу многотысячной лаве панков с растопыренными руками, как будто кур ловил.

Летов начал тот свой концерт после анпиловских фронтовичек-бабушек в кирзовых сапогах, в хаки юбках и беретах, и песня, которая показалась ему единственно уместной в той ситуации, правильно избранная была: «И Ленин такой

молодой / И юный Октябрь впереди!».

Солнечно тогда было и весело... Либо май, либо сентябрь. Осталась фотография, мы идём: я, Летов, Тарас Рабко, вздымая кулаки, и несём флаг. У нас флага своего даже не было ещё. Советский несём. Анпиловский.

Буржуазная власть постепенно прибирала страну к рукам. Исподволь, не спеша, но наверняка.

Помню, мы хохотали над первыми милиционерами, бродившими с блокнотиками среди наших митингов, переписывающими лозунги. «На х... вам это, мужики?»

«Велели переписывать», – смущались милиционеры.

В середине 90-х перед большими праздниками, такими как 1 мая или 7 ноября, нас приглашали в мэрию. Туда же являлись полицейские и городские власти – и совместно мы разрабатывали маршруты демонстраций и митингов. Помню, что стали появляться там и аккуратные типчики из ФСБ. Председательствовал чиновник из мэрии Архипов. (Умер уже, я полагаю.) Идя обычно в зал для таких совещаний, мы проходили мимо кабинета Шанцева. Там единственно, где стояла рама металлоискателя, поскольку на Шанцева тогда было совершено покушение.

Мы всегда ходили на шествия с «Трудовой Россией». Большинство наших демонстраций имели сборным пунктом Калужскую площадь у памятника Ленину. Сколько там проведено было времени в кипучем и могучем тогда ещё водовороте народа. В центре неизменно был Анпилов.

Власть всё больше ограничивала наше пространство. Через какой-то скачок времени я помню Виктора Ивановича уже у бывшего музея Ленина, в то время уже это стал Исторический музей. По воскресеньям его активисты проводили там стихийные митинги, продавали и раздавали литературу. Все ещё было шумно и многолюдно.

Но страна остывала, вымирала «бабы Оли» и «бабы Саши». Однажды анпиловцев до Исторического музея не допустили. Они ещё ходили туда несколько воскресений, но, наткнувшись на твёрдую волю милиции, перестали приходить.

Что с ними и с Анпиловым творилось в эти годы, я не знаю. В последний раз он потрянул стариной 10 июля 2006 года на конференции коалиции «Другая Россия», не путать с моей партией, основанной позже, где потряс либералов остроумной и объединяющей речью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.